

Мартин Лацко

Обстановка в Советском Союзе глазами словацких солдат (1941–1943 гг.)

Одним из малых народов, которые в военном конфликте судьба поставила на сторону Гитлера, были словаки. Малоизвестно, что в антисоветском походе словаки участвовали почти с самого начала, вернее, с 24 июня 1941 г. до его полного завершения, хотя с конца 1943 г. военных действий уже не предпринимали. В связи с участием Словакии в антисоветской войне возникает целый ряд вопросов. Это не только вопросы технического характера, например, технические характеристики, вооружение, численность или размещение частей и подразделений, количество убитых и раненых в отдельных боях и т.п., т.е. типичные сведения для теоретических исследований военных историков. Возможно, гораздо более важными вопросами, на которые, однако, сложнее ответить, будут вопросы типа: как словаки понимали свое назначение? Против кого, собственно, воевали? Против «русских братьев» или против «безбожного» коммунизма, как в то время об этом говорилось в пропаганде? И особенно – как повлияло их вынужденное пребывание на территории «первого государства рабочих и крестьян» на прежние представления о нем? После знакомства с условиями жизни в советской стране стали ли словацкие солдаты сторонниками большевистской идеологии?

Разумеется, подобными вопросами марксистская историография в Чехословакии себя не обременяла. Поэтому более половины столетия участие Словакии в войне историки

подробно не рассматривали, а стереотипно называли его преступным актом «религиозно-фашистского» режима против миролюбивого советского народа. Этот раздел национальной истории доставлял коммунистической власти постоянную головную боль. Не секрет, что представители народа, издавна отличавшегося прорусскими настроениями, сразу приняли участие в событиях, которые кардинально изменили их представления о большевистской империи как о вечном и не подлежащем сомнению примере. Или, как это привыкли писать и говорить марксисты, своим участием словаки «запятнали чистый славянский щит». Тем не менее, даже после 1990 г. вышеуказанные вопросы историками не исследовались¹. Вопросы словацкого участия в антисоветской войне продолжают угрожать словацкой политике и сегодня, через 60 лет после окончания войны. Средства массовой информации боязливо обходят стороной эту тему, на которую в Словакии наложено табу и по сей день, когда уходят из жизни последние непосредственные участники этой войны.

В своей работе я бы с удовольствием не касался области так называемой высокой политики, а сосредоточился бы только на «человеческой» стороне восприятия действительности в СССР словацкими солдатами и попытался бы ее кратко обрисовать. Будем основываться на печатных изданиях тех лет, сохра-

¹ Эти вопросы не затрагивают ни Чарльз Клаймент в своей книге *Slovenská armáda 1939-1945* (Plzeň 1996), ни Йозеф Бистрицки, автор многих специальных исследований, посвященных словацкой армии на восточном (советско-германском) фронте, ни его коллеги Вацлав Штефански и Павел Шимунич. Единственное исключение – исследование молодого историка Павла Мичаника *Vplyv náboženstva a ideológie na vzťah slovenských vojakov a civilného obyvateľstva ZSSR v rokoch 1941-1943*. В журнале „Politický vedy“ (№ 2, 2001 г.) данную тему также затронул автор этих строк в своем исследовании *Armia słowacka we wschodniej Polsce w 1941 roku*. В 1-м (3) номере журнала „Pamięć i sprawiedliwość“, Варшава, 2003 г., а также в исследовании на тему *Boj pri Lipovci* („Vojenská história“ 1/2003, s. 16) некоторые вопросы этой проблематики рассматривались Томашем Клубертом.

нившихся архивных документах, а также на воспоминаниях солдат-ветеранов, которых мне посчастливилось отыскать².

В интересах прояснения словацкого участия в войне необходимо заранее кратко объяснить читателю, что словацкая армия вступила в бой уже 24 июня, выслав примерно двухтысячную «Быструю группу» (вскоре преобразованную в «Быструю бригаду»). Примерно 50-тысячная армия резервистов, переброшенная на Украину в конце июня и в июле, в боях не участвовала, и уже в августе большинство резервистов было демобилизовано. Словацкое участие в войне окончательно оформилось в августе 1941 после образования двух дивизий – Быстрой и Тыловой³. Быстрая (*Rýchla*) дивизия входила в состав группы армий «Юг», наступающих в направлении Киев – Мариуполь – Ростов, а с февраля 1943 г. отступала с Кавказа через Крым и просуществовала под другими названиями до момента своего расформирования в конце войны. Тыловая (*Zais ovacia*) дивизия, наоборот, располагалась в тылу, на территории партизанского движения в Северной Украине и, главным образом, в Белоруссии⁴.

Лето 1941 г. – шок от увиденного

В словацком обществе образ России формировался преимущественно под влиянием художественной литературы. Именно с помощью произведений великих русских писателей XIX столетия словацкая интеллигенция познавала эту великую страну. За жизнью в довоенной царской России на собственном опыте могли наблюдать, в основном, только коммерсанты, которые приезжали в нее из Венгрии. Однако жизнь русского

² В ходе обширных исследований памятников, которые проводятся с 1997 года, мне удалось записать воспоминания и собрать свидетельства нескольких десятков ветеранов антисоветского похода. Некоторые из них представлены в настоящей работе.

³ Численность Быстрой дивизии составляла 8-10 тыс. человек, Тыловой – около 6-8 тыс. человек.

⁴ Здесь она действовала до октября 1943 г., после чего была переброшена в Италию.

человека дольше всех и лучше всех изучили военнопленные австро-венгерской армии. Отношение словаков к народам, проживающим восточнее границ Словакии, накануне первой мировой войны можно в целом характеризовать как очень хорошее. Граждане СССР традиционно считались «русскими», и поколения словацких политических лидеров и общественных деятелей относились к ним с большой симпатией. Уже в этом заключалась большая разница между словаками и, например, поляками, у которых отношения с украинцами и русскими были очень напряженными, даже враждебными. Однако после 1917 г. Россию как бы отгородили занавесом. Страна оказалась в международной изоляции. Единственными очевидцами жестокости наступающей большевистской власти как для чешской, так и для словацкой общественности были только пленные или legionеры, которые вернулись на родину после окончания войны. Но влияние их рассказов о пережитом на широкие слои населения было ограниченным. В период между двумя мировыми войнами отрицательный и даже ужасающий образ СССР создавался также представителями церкви и правой печати. Прямо противоположным образом, очень запутанно, оценивала обстановку в Советской России коммунистическая и левая пропаганда, которая распространялась в течение всего периода между мировыми войнами. В соответствии с этой пропагандой СССР считался наиболее прогрессивным государством, в котором была ликвидирована эксплуатация, социальные различия, и страна воспевалась как место свободы и благополучия, где каждому обеспечены работа и бесплатное обучение. Неоднократно звучали слова о «русском рае». Это был очень привлекательный образ, в первую очередь, для представителей самых бедных слоев общества. Разумеется, широкие массы простых людей, в основном крестьян, не были в состоянии проверить правдивость этой и подобной информации. Хотя некоторые делегации (чаще всего коммунистических деятелей) посещали СССР, но после пересечения границы они попадали под пристальное внимание агентов НКВД, а поездка проходила по заранее подготов-

ленному, вплоть до мелочей, сценарию, исключая возможность самостоятельного передвижения или изменения программы пребывания. Посетителю из Европы или из-за океана показывались только «потемкинские деревни». Регулярными предметами гордости СССР были Москва, Киев и Ленинград – три выдающихся города, которые использовались большевиками, чтобы продемонстрировать уровень жизни в стране другим государствам. Внешне это были образцовые города, но остальные тысячи городов и сел остались недоступными взору заграничного туриста, особенно деревни, которые по своему уровню жизни отставали от среднего европейского уровня на десятилетия. Разумеется, представления, составленные таким образом, были необъективными, превратными и ложными. Даже после 1939 г., когда сталинский СССР фактически стал гитлеровским союзником, уровень информированности об огромной стране на востоке не повысился. Для среднего европейца границы СССР по-прежнему остались непроницаемыми. Ситуация изменилась коренным образом только после начала войны в июне 1941 г. Восточные границы Словакии должны были пересечь тысячи словаков, временно и недобровольно облаченных в униформу. Для этих людей пресловутый советский занавес неожиданно поднялся. В походе, в котором войска дошли до самого Кавказа, солдаты увидели сотни городов и сел, беседовали с тысячами местных жителей и наблюдали уровень и условия жизни населения Украины, Белоруссии и России. Так что у двадцатилетних парней была возможность составить собственное мнение об условиях жизни в хваленном «рае».

Восприятие войны и своей роли в ней во многом зависело не только от религиозной, национальной или социальной принадлежности солдата, но и от времени, места дислокации его части, взаимоотношений в воинском коллективе и других факторов. Несмотря на это, когда речь идет об описании условий жизни на оккупированной территории СССР, наблюдаются некоторые закономерности, которые носили всеобщий характер. Например, потрясение, которое испытывали солда-

ты в первые дни после пересечения границы. Как указывалось выше, познания простых солдат о СССР не отличались глубиной. Скорее наоборот: двадцатилетним, в основном, крестьянским парням без высшего образования, а также военнослужащим офицерского состава были известны лишь элементарные сведения о стране. Это самая большая страна в мире; здесь правят коммунисты, в то время именуемые большевиками; здесь был голод; а еще большинство слышало от учителя или священника о преследованиях церкви и крестьян. Тем не менее, представления о реальной ситуации не было ни у одного солдата.

Именно лето 1941 года можно взять в качестве образца непревратных представлений о СССР. Солдаты вступили на территорию, где война только начиналась, вернее, окончилась, т.к. фронт быстро продвигался на восток. Воспоминания местных жителей о сталинском режиме были еще свежи, а его следы были видны повсюду. Повсеместную нищету и лишения, очевидные на каждом шагу, невозможно было свалить на анонимную «войну», на Гитлера или оккупационные власти, как это делалось позже⁵. Поэтому неудивительно, что многие пересекали границу, с большим любопытством ожидая, что же предстоит им увидеть. Как выглядят прославленные колхозы? Действительно ли в России есть общественные столовые? Действительно ли рабочие живут там так хорошо, как говорили словацкие коммунисты? Этими и многими другими вопросами задавался не один солдат или молодой офицер. «Тогда мы очень интересовались Россией. Разумеется, среди нас были коммунисты, в основном, из числа офицеров запаса, и вообще, мы были достаточно сильно настроены на славянское братство. Мы думали: „Россия – это вторая Америка! Богатая, великая страна!“ Так как уже в апреле, после вторжения немцев в Югославию, в казармах появились достаточно

⁵ Именно этот период лучше всего отражен в источниках. Это также подкрепляется десятками статей в печатных изданиях того времени, множеством армейских донесений и воспоминаниями солдат. В качестве иллюстрации приведем наиболее важные.

сильные антинемецкие настроения, начались разговоры о том, что русские тоже славяне и настроены против немцев. Поэтому мы все заинтересовались Россией. Однако первое, что мы увидели на советской стороне, – добавил бывший солдат, – был огромный плакат, на котором был изображен Сталин с расставленными ногами, а между ними проходили танки, как будто из какого-то завода»⁶. Но наиболее интересное для них было еще впереди.

После вступления на территорию Галиции солдат христианского народа, в первую очередь, поразили оскверненные храмы. Всего через пару километров от границы, в Хирове, перед ними предстала следующая чудовищная картина: сброшенный с купола крест; храм, переоборудованный в кинотеатр и театр; разбитый и оскверненный алтарь, а вместо икон и статуй святых были выставлены портреты советских богов: Ленина, Сталина, Ворошилова, Молотова и др. Первые впечатления солдат содержатся в письмах, написанных своим близким в Словакию. 15 июля один солдат написал домой следующее: «Я ничуть не жалею, что ушел на войну. По крайней мере, узнал, к чему приводит коммунизм... То, что они делали, отвратительно. Храмы превратили в кинотеатры и т.п.»⁷. Еще тогда оценку советской культурной политике глазами словацких христиан дал молодой поэт Ян Окаль: «То, что большевики сделали с храмами, был обычный грабеж и вандализм в самом худшем виде». Однако не все храмы были уничтожены, особенно в польской части Украины, – некоторые были использованы под склады и амбары. Тем не менее, сделав даже этот шаг, в экономическом плане Советы ничего не выиграли, так как «в отличие от старых фресок, хранящиеся в храмах товары намокают и покрываются плесенью, т.к. некому починить крышу, и после дождя вода потоком стекает по стенам...»⁸. Таким образом, большевики

⁶ Андрей Шкварэк вспоминает о восточном (советско-германском) фронте // „Kultúra“, č. 17/2003, s. 14.

⁷ „Hlas frontu“, č. 13/1941, s. 3.

⁸ Okál', J., *Kultúrne pomery v SSSR*. Bratislava 1941, s. 37-38.

виновны не только в разрушении храмов, «в духовном голоде», но и в голоде телесном, так как в этих условиях хранящиеся товары быстро портились.

Еще ужаснее, чем уничтожение храмов, были следы зверств НКВД, которые встречались на пути солдат во всех больших и малых городах бывшей Восточной Польши – в Самборе, Добромиле, Стрые, Золочеве, Львове и др. Одно из таких ужасных зрелищ до конца жизни стояло перед глазами у Андрея Шкварэка: «Когда наши войска вступили в Добромиль...к нам подошла женщина и горько заплакала. Она нам сказала: „Ребята, русские отступили еще утром, но НКВД снова пришло, постучали в дверь, а мы им открыли“». Ее мужа, по ее словам, местного нотариуса, немедленно связали и прямо на ее глазах ему на веранде щипцами выдернули зубы. Засохшая на веранде кровь, как свидетельство пыток со стороны сотрудников НКВД, была для солдат настоящим шоком. В первую очередь, для тех, кто ожидал увидеть воспетый рай. «Вы знаете, это было как мороз по коже, потому что, знаете, вы приходите как братья-славяне и сразу видите эти вещи... абсурд... Вместо братьев-славян – НКВД...». «А что в результате?». «Разумеется, после этого наши солдаты шли воевать с русскими с большим воодушевлением, весьма охотно...И, естественно, местное население их встречало радостными возгласами: „Добро пожаловать, наши освободители!“»⁹.

Массовые захоронения, которые находили войска в первые дни после своего вступления вблизи тюрем или прямо в них, стали вершиной психологического потрясения. Это не имело ничего общего с войной, эти люди не были убиты в бою или перестрелке, а были просто уничтожены тайной полицией, которая в июне-июле 1941 г. в массовом порядке расстреливала политических заключенных, находящихся в тюрьмах на

⁹ Škvarek, A., *op.cit.*, s. 14.

территории бывшей Восточной Польши¹⁰. Ужасные впечатления описаны в письмах солдат – многочисленных свидетельствах. Например, один из офицеров запаса написал своей жене: «В то, что сегодня здесь увидел, я бы и не поверил, если бы это не видел собственными глазами...Здесь большевики убили 600 человек и сбросили их в яму... так их изуродовали, что это вызывает ужас...Как звери, истязали людей, которые, слава Богу, отмучились...»¹¹. В армейском донесении также сообщается: «В результате контактов с местным населением стало известно о беспощадности и зверствах большевистских орд по отношению к украинскому населению»¹².

В этих условиях словацкие войска вступали на территорию СССР, поэтому неудивительно, что их сердечно встречали как армию-освободительницу. Этот факт подтверждается в указанном донесении. «Население Хирова буквально восторгается новой властью... отношение местного населения к немецко-словацкой армии более чем радушное, потому что, как можно услышать от жителей, за свое освобождение от большевистского ада местному населению следует благодарить только немецко-словацкую армию»¹³. Все ежедневно переносимые лишения местное население однозначно связывает с прежней большевистской властью и ни в коем случае не желает ее возврата¹⁴. «Местные жители считали нас освободителями», – так еще в 1942 году написал один из участников боев, вспоминая об этой триумфальной встрече¹⁵. Через год один из

¹⁰ Наиболее подробно указанную тему исследовал Богдан Мусял в своей работе „Rozstrzelać elementy kontrrewolucyjne!“ Brutalizacja wojny niemiecko-sowieckiej latem 1941 roku (Варшава, 2001 г.) Влияние указанных расстрелов на боевой дух словацких войск см. в других работах.

¹¹ „Hlas frontu“, č. 3/1941, s. 3. В июне-июле 1941 г. в Словакию приходили сотни подобных писем.

¹² Поэтому неудивительно, что боевой дух войск был «очень хорошим, а воодушевление солдат было на подъеме». *Vojenský historický archív Trnava (VNA Trnava), fond (f.) „53“, 53/41/32, мемуары о сражениях.*

¹³ VNA Trnava, f. „55“, 55-37-3, úradné hlásenie z 20. 7. 1941, príloha k č. 114. taj.

¹⁴ Там же.

¹⁵ VNA Trnava, f. MNO, 1942, (krabica) k. 335, свидетельства и впечатления солдат с мест событий. Впечатления Йозефа Галеты.

его товарищей вспоминал: «Украинцы нас встречали очень радушно и дарили нам все, что могли, тем самым выражая свою радость, что наконец освободились от большевистской тирании»¹⁶. Однако так было не только в приграничных городках бывшей польской территории, а почти по всей Украине. Например, один солдат вспоминает о том, как их встречали в Киеве¹⁷. Другой солдат, который со своей частью дошел до Мариновки на р. Миус, снова упоминает о том, что украинское население их приветствовало повсюду, где они проходили¹⁸.

В итоговом донесении, написанном в середине июля офицером разведки, содержатся потрясающие сведения о первой стадии похода: «После боя 16 июля боевой дух солдат остается на высоком уровне, и видно, что все участники боя признательны за возможность увидеть собственными глазами последствия насилия и зверств большевизма на Украине». Солдаты были готовы после демобилизации свидетельствовать об этом в родных городках и селах перед своими земляками и пропагандировать необходимость борьбы с этим «бесчеловечным и недостойным существования режимом». Кроме того, солдаты с гордостью говорили о том, как их сердечно встречал и приветствовал многострадальный украинский народ... «В словацких солдатах они видели своих освободителей от большевистского ига. В то время у словацких солдат имелась возможность ознакомиться с низким уровнем жизни украинского населения во всех отношениях. Со слезами радости украинцы приветствовали словацких солдат и жаловались им на грубое насилие и зверства, а также на тяжелую жизнь»¹⁹.

¹⁶ VNA Trnava, f. MNO, 1942, k. 335, впечатления Франтишека Шашки.

¹⁷ «Когда мы проходили через город (имеется в виду Киев. – Прим. авт.), там было много людей, которые раньше прятались в подвалах. Некоторые женщины нам даже бросали цветы и хлеб. Приветствовали нас как своих освободителей...» Драматическое сражение за Киев. *Historická revue*, и. 9/2001, s. 23.

¹⁸ VNA Trnava, f. MNO, 1942, k. 335, впечатления Франтишека Шталмашека.

¹⁹ VNA Trnava, f. „53“, k. 95, и. 943 dôv. zo 16. 7. 1941.

Следующее явление, которое глубоко поразило словаков, было пробуждение религиозных чувств у местного населения. Несмотря на ожесточенную антирелигиозную борьбу, большинство старшего поколения никогда не теряло своей веры. Это были трогательные сцены, когда матери искали военных священников и приносили им детей с просьбой окрестить. Люди извлекали надежно укрытые или закопанные предметы культа, главным образом, иконы, и торжественно их освящали. Храмы, к тому времени разрушенные или используемые для других целей, снова ожили и наполнились верующими.

Д-р Йозеф Паучо, в ту пору лейтенант службы духовенства, был одним из участников такой литургии в одном из городков в советской Западной Украине в первое воскресенье августа 1941 г.: «В воскресенье утром в церкви не было свободного места. Пришли старики и подростки (юношей старше 16 лет большевики забрали при отступлении), женщины и девушки. Многие из них никогда не были в церкви и поэтому даже не знали, как следует себя вести. Долгие часы продолжались молитвы и песнопения... По измученным лицам обильно текли слезы благодарности и радости, потому что впервые за нескольких лет опять появилась возможность праздновать воскресенье». Уходя из церкви, матери учили своих детей прикладываться к иконам, с благоговением трижды осеняя себя крестным знаменем и совершая глубокий поклон²⁰. В своей книге впечатлений об Украине лейтенант Корчек, растроганный увиденным, пишет: «Украинцы... не потеряли свою веру и с большим воодушевлением и радостью выносили спрятанные хоругви, а во многих местах над входом вновь освященных храмов написали прекрасную и характерную фразу: Хотим жить с Богом!»²¹. Аналогичные впечатления были и у простых солдат. «Когда мы проходили по Украине, то религиозные люди, у которых были закопаны иконы, кресты,

²⁰ *Dušečná obroda ruského ľudu* // „Slovák“, 27.8.1941, s. 5.

²¹ Korček, F., *Obrázky z Ukrajiny*. Bratislava 1941, s. 55.

статуи, извлекали их, выставляли и украшали... Ну и приветствовали нас, как освободителей»²².

За старой советской границей

Гораздо хуже, чем в польской Галиции, была ситуация за первоначальной советской границей, которую войска перешли в районе Тернополя. Молодой офицер Эдуард Пышны описал свои впечатления следующим образом: «За памятником „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“ начинался совершенно другой мир, чем тот, из которого мы пришли. Казалось... что в большевистской России действительно собрался пролетариат всего мира, потому что все указывает на то, что в России, кроме пролетариата, никого больше не было»²³. Лейтенант службы духовенства Штэфан Полакович, который в составе своей армии совершил своего рода экскурсию в СССР, о своих первых впечатлениях сообщил органам печати следующим образом: «Мы на границе Советского Союза. Спускаемся в долину, по которой течет река. На другой стороне реки расположено некое подобие греческих пропилеев. Когда мы приблизились, то на пропилеях можно было прочитать надпись: „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“». А село и колхоз, расположенные на склоне, продемонстрировали всю наготу пролетарской империи. Опустевшие дома и дома, разрушенные не в результате военных действий, а потому, что в них уже давно никто не живет. Похоже, что в течение многих лет ни один дом не ремонтировался. Вместо оконных стекол видны рамы, заклеенные бумагой или забитые досками»²⁴. Как будто сама местность предупреждала о начале другой империи. Вместо широких полей, засеянных пшеницей, рожью и ячменем, – огромные, даже не вспаханные, пространства. На них росли только сорняки и чертополох. После пересечения старой границы в районе Гусятина

²² *Spomienky Jána Chalupku* (1918, Štrba). Личный архив автора.

²³ *Ruský človek nevie, za čo bojuje* // „Slovák“, 26.7.1941, s. 3.

²⁴ *Hospodárenie na kolchozoc* // „Slovák“, 9.8.1941, s. 1.

солдаты, наконец, смогли увидеть с таким нетерпением ожидаемые колхозы. Однако увиденное не радовало. «Колхозные строения в бедственном состоянии. Годами они не ремонтировались. Некоторые могут обрушиться. Крыши прохудились. Трактора, столь восхваляемые московским радио, стояли прямо в поле, ржавея под дождем. Где-то здесь пастухи пасут бедный тощий скот... По сравнению со словацкими, местные коровы и кони - это всего лишь бледные тени...»²⁵.

Аналогичные первые отрицательные впечатления за старой границей были не только у философа Полаковича или высокообразованных офицеров, но и у простых солдат: «В польской Украине все было, как у нас дома, а восточнее – как будто мы попали в другой мир»²⁶. Этот «другой мир» начался уже за городком Подволочиск. «Волочиск находился еще на польской стороне, на холме над рекой, это был такой красивый городок. Но на другой стороне реки располагался Подволочиск – это была уже Советская Украина, а значит, большие поля и колхозы. И все это сильно разрушено, те же колхозы; полуразвалившийся городок; дома, оставшиеся с царских времен, были в прежнем состоянии – уже двадцать лет их никто не ремонтировал. Все безнадежно запущено и обветшало, при этом расстояние между городами всего каких-то пара сотен метров. Берег польского Волочиска ухожен, а на советской стороне – ну, как будто попали в цыганский табор»²⁷.

Большинство словацких солдат было из крестьянских семей. В то время в Словакии они составляли почти 70% населения. У этих людей с малых лет вырабатывалось бережное отношение к земле, поэтому, в основном, их интересовали прославленные колхозы. В горной части Словакии эти люди помогали своим родителям обрабатывать крохотные участки поля, размер которых едва позволял прокормить многочисленные семьи. Поэтому неудивительно, что когда на советской территории

²⁵ Там же.

²⁶ VNA Trnava, f. MNO, 1942, k. 335, впечатления Франтишека Коленича.

²⁷ Škvarek, A., *op.cit.*, s. 14.

необъятные поля наиболее плодородной земли, о которой их семьи в Словакии могли только мечтать, оставались необработанными или очень небрежно обработанными, то это было выше понимания этих солдат. Почему на плодородном украинском черноземе нельзя собрать, по крайней мере, такой же урожай, как на их маленьком неплодородном поле, затерянном в горной части Средней Словакии? Как это даже возможно, что Украина, бесконечно богатая плодородной землей, в действительности такая бедная? Для словака это было просто непонятно, почему «Украина – богатая страна, земля – плодородный чернозем, а все равно здесь нищета», как писал в июле 1941 года Ян Вранка родственнику в Словакии²⁸. Однако постепенно все прояснялось. «В основном, урожаи были низкие из-за плохой подготовки почвы к посеву и незнания агрономии»²⁹. Даже необразованные солдаты ясно понимали, что воспетый коммунистами колхозный строй находится в плачевном состоянии. Об этом свидетельствовали уже первые впечатления. Вспомним, например, запись в дневнике Артиллерийской роты от 1 сентября 1941: «Продвигаясь с Камионки в Замишовице через Волочиск и Подволочиск, где проходила старая советская граница...мы прошли 22 километра...Здесь впервые мы увидели колхозы, которые были очень отсталыми. Тут уж все имущество было совместным. Дома были ветхими, построенными только из глины»³⁰.

Все эти и дальнейшие впечатления – бесхозные поля, разваленные колхозы, плодородная, но плохо обрабатываемая почва и всеобщее безразличие крестьян к земле – имели свои политические последствия. Именно из-за земли молодые, казалось бы, не интересующиеся политикой люди делились полученным опытом, «передавая» его соотечественникам.

²⁸ „Hlas frontu“, и. 7/1941, s. 3. «Парадоксально то, что они не знают, как использовать такую плодородную почву. Обрабатывали ее примитивнейшим образом», – добавил Иван Инститорис.

²⁹ VNA Trnava, f. MNO, 1942, k. 335, впечатления Руда Германа.

³⁰ «И массы людей жаловались на „москалей“ (русских)», – указывается в дневнике // VNA Trnava, f. Zais ovacia divízia, k. 96.

Только с этой точки зрения можно понять фразу, написанную двадцатилетним парнем в письме своей семье: «Не знаю, что это за гадкий режим большевизм, в котором с необъятными полями пшеницы людям живется ужасно! Ни поля, ни люди не получают ничего!»³¹.

Наверное, единственное, к чему советский человек относился серьезно, было пьянство: «Русских как-то мало волновало улучшение быта... Они уделяли больше времени спиртному, водке... Она была для них все, ее они пили до потери речи», – подытожил впечатления многих своих товарищей опытный солдат³².

Постепенно от местного населения словаки узнали о ситуации, которая была в селе до 1941 года. По словам местных жителей, каждый крестьянин, который не состоял в колхозе, должен был сдать государству весь полученный урожай. При этом с теми, кто урожай не сдавал или его укрывал, поступали очень жестко. Их называли врагами народа, арестовывали, а их имущество подлежало конфискации. После жатвы и молотьбы приходили представители власти и просто реквизировали все, что находили. «Во многих селах нам рассказывали, что представители советской власти забирали весь урожай, и их не волновало, чем люди в селе будут питаться. Вывозили все, что найдут, и выплачивали по 6 – 8 рублей за центнер. После этого пшеницы не оставалось ни на хлеб, ни на посевную... Мы проходили через села, в которых по 6 – 8 месяцев люди не видели настоящего хлеба». Таким образом, несмотря на богатство украинской земли, досыта не наедался ни крестьянин, ни солдат – ему тоже выдавали твердый концентрат кукурузного «хлеба», – отмечал фронтовой корреспондент³³.

³¹ *Slováci vo vojne proti ZSSR // „Proglas“, № 1, 2003 г., s. 28.*

³² Там же. Шкварэк добавляет: «О Словакии ничего не знали, слышали только о „Чехословакии“, так что для них мы были „чехословаками“. Их больше интересовало спиртное – я видел собственными глазами, как они гнали самогон даже из лука...».

³³ Korček, F., *op.cit.*, s. 55.

Поэтому могла ли быть у крестьянина заинтересованность в обработке земли? Поскольку он видел, что работает только на центральную власть, то, разумеется, терял интерес к земле и приводил ее в запустение. Не помогали даже драконовские меры по отношению к «кулакам» и «вредителям». В результате отупляющей дисциплины люди под конец обленились и, самое главное, стали безучастными. Не проявляли ни малейшего интереса к ремонту казенного, а что еще печальнее, своего имущества. Это иллюстрируется примером случая, который произошел у Словечна. Когда два словацких солдата возвращались к «хозяйке», у которой они были расквартированы, уже наступил вечер. Однако они заметили, что корова все еще паслась на поле, хотя было уже довольно холодно. «Дрожащая, озябшая – все-таки очень холодно. Ну, мы и спросили хозяйку, почему она не закрывает корову в хлеву, а продолжает держать ее на улице. „Дочка ушла гулять, а когда она в десять часов вернется, она ее закроет!“ Вот мы и увидели русскую заботу! Не только об общественном, но и о собственном благе! Вот и получается, если не можешь позаботиться о своем добре, как тогда будешь заботиться об общественном!»³⁴.

Для словака, привыкшего искать работу в соседних странах, было непонятно, почему советский колхозник не имел права уволиться с работы без разрешения. «Колхозники должны были просить разрешения у председателя, председатель должен был сообщить органам госбезопасности, куда собирается переехать этот колхозник, органы давали согласие, и только после этого колхозник мог уехать», – узнал Михал Миклаш. «А затем на каждом мосту или большом перекрестке они проходили проверку. Всегда, когда требовалось ехать за покупками, необходимо было об этом сообщать. Ну, и несчастные же они – самые счастливые люди на земном шаре – у них не было возможности увидеть, как живут люди в других странах.. Выехать за границу было невозможно. Поэтому их можно было только

³⁴ *Spomienky Michala Mikláša* (1919, Мошенок). Личный архив автора.

жалеть...»³⁵. Таким образом, с этой точки зрения можно понять раздражение молодого солдата: «Люди в селах настолько глупы, что, например, не знают, как называется село, которое находится от них всего за несколько километров. Да и в городе так же». Данному солдату-водителю в этом пришлось многократно убеждаться³⁶. Поэтому в общем можно сказать, что у солдат выработалось резко отрицательное отношение к режиму, существовавшему ранее на Украине. «Когда я там был, мне совсем не нравились местная обстановка, увиденное и то, что мне рассказывали местные жители о довоенном времени», – отмечал Ян Марчек³⁷. «Я, да и каждый из нас, сделал вывод, что до войны здесь жилось плохо. Судить можно по тому, что дома выглядели бедно, а люди – очень убого. И одежда на них была лишь для вида»³⁸. Товарищ этого солдата добавил: «Местная обстановка здесь достаточно неблагоприятная, и говорят, что во времена старого режима тут жилось плохо, заправляли здесь только евреи, а остальные должны были слушаться»³⁹.

Это были первые, свежие впечатления от «советского рая», который так прославляли чехословацкие коммунисты в период между мировыми войнами. В последующие месяцы солдаты были расквартированы в домах гражданского населения, в отдельных семьях, от которых они узнали новые шокирующие подробности о ситуации в СССР за последнюю четверть столетия. Узнавая дальнейшие подробности, солдаты могли себе составить полное представление об этой бесчеловечной системе. Наверное, самыми страшными были рассказы

³⁵ *Spomienky Michala Mikláša*. Личный архив автора.

³⁶ *VNA Trnava, f. MNO, 1942, k. 335*, впечатления Йозефа Регина.

³⁷ *VNA Trnava, f. MNO, 1942, k. 335*, впечатления Йозефа Марчека.

³⁸ *VNA Trnava, f. MNO, 1942, k. 335*, впечатления Йозефа Дрэкслера.

³⁹ *VNA Trnava, f. MNO, 1942, k. 335*, впечатления Штэфана Шпачека. Здесь необходимо отметить, что стереотип еврея-большевика в документах тех лет появляется довольно часто. Однако в действительности речь шла об аппарате насилия, т.к. евреи были такими же жертвами режима, как и представители других национальностей. На эту тему см., например, работу Б. Мусыля *Rozstrzelac elementy...*, s. 48-74.

местных жителей о голоде 1933 года. «Местное население вспоминало 1933-й год как голодный», – рассказывает Игнац Михаличка⁴⁰. Хуже всего пришлось городам, но и в селах люди сильно пострадали. В то время сотрудники НКВД изъяли все продукты, не оставив куска хлеба даже у колхозников. Это был настоящий ад, когда из-за ужасного голода появились случаи каннибализма. А. Шкварэк вспоминает о своей встрече с одной женщиной в Киеве, которая рассказала ему о своей жизни в этот период. Ее муж был милиционером в Киеве и однажды, придя домой обедать, сказал: «Мы поймали еще одного, который убил свою жену... Ее расчлененный труп лежит в мешке у нас в отделении!». На это супруга ответила, что хотела бы это видеть собственными глазами. Так и сделали – после обеда сели на электричку и поехали посмотреть. «Приехав в отделение, она открыла мешок, а когда увидела в нем окровавленную голову, получила мгновенный шок и упала в обморок. Затем два месяца провела в психиатрической больнице, т.к. получила тяжелое нервное потрясение, а в течение следующих двух лет у нее была полная апатия. В конце своего рассказа она призналась: „С тех пор мясо даже видеть не могу!“ Вот такие трагические переживания нес с собой большевизм... Это был просто бесчеловечный, абсурдный режим – заставить собственный народ голодать...» – закончил свой ужасный рассказ словацкий солдат⁴¹. Только под впечатлением таких ужасных, но правдивых историй из жизни Александр Шамо мог понять слова учительницы из Винницы, которая в доверительной беседе сказала: «Если можно говорить о каре Божьей, то наша жизнь в условиях коммунистического террора – это наивысшая, наиболее суровая кара»⁴².

⁴⁰ *Spomienky Ignáca Michaličku* (1919, Bobot). Личный архив автора.

⁴¹ Škvarek, A., *op.cit.*, s. 14.

⁴² *Spomienky vojaka z východného frontu* // „Svedectvo“, č. 4/1998, s. 7.

Постоянный страх

Тема, которой в разговорах местные жители старательно избегали, была тема НКВД; об этом люди говорили только шепотом, как будто не верили в то, что советские «порядки» ушли навсегда. Многие семьи были неполные – в основном, отсутствовали мужчины. Речь идет не только о мобилизованных, но и о расстрелянных и пропавших без вести в ходе предыдущих сталинских чисток. Именно они были на совести тайной полиции. Эти сведения молодые словаки получили из первых рук. Не везде и не всюду местные жители были разговорчивыми. С течением времени и по мере продвижения внутрь страны солдаты заметили, что страх у населения усиливался, но упоминания о страхе местных жителей встречаются в документах уже с начала войны. Например, лейтенант Корчек в первые недели похода заметил, что «на лицах украинцев появлялся страх и ужас, когда они начинали рассказывать о зверствах большевистских комиссаров». Хотя крестьянин знал, что в присутствии иностранных войск комиссары к нему не доберутся, глубоко укоренившийся страх оставался. «И все-таки каждый боязливо оглядывался и начинал говорить тише, как будто не хотел, чтобы мы его услышали... Уже из этого видно, какая власть была у московских „жандармов“», – добавляет словацкий наблюдатель⁴³.

Бывший словацкий офицер, который провел в СССР два года, на вопрос, разговаривал ли он с местными жителями на политические темы, ответил: «Куда там – все боялись слово вымолвить... Боялись все... Водка была единственным средством, которое преодолевало все преграды, и после нее уже никто не боялся сказать лишнее...»⁴⁴.

Страх перед тайной полицией, с которым люди привыкли постоянно жить, не пропал даже во время оккупации. «Все они думали об НКВД, которого боялись как преступников. Жаль, что там не было наших выдающихся коммунистов – они бы

⁴³ Korček, F., *op.cit.*, s. 17.

⁴⁴ *Spomienky Karola Kristena* (1912, Žilina). Личный архив автора.

увидели на месте, что такое коммунизм», – заметил простой солдат⁴⁵. Люди как будто чувствовали, что предвоенный ужас вернется⁴⁶. То есть многие не верили в то, что немцы завоевали СССР надолго. Именно это весной 1942 года на собственном опыте испытал Игнац Михаличка. «По-моему, местные жители боялись говорить правду... В месте, куда я, бывало, заходил, мы начали необычный разговор, и там был сосед, старик с большой бородой, который вообще ничего не говорил. На следующий день этот старик мне сказал: „Игнат, вы еще будете бежать с русской земли!“»⁴⁷.

Можно сказать, что, в отличие от нацистской армии, словакам украинское население обычно шло навстречу. В основном, старшее поколение представляло себе нас как прототип доброго «русского Ивана», каким его еще помнили ветераны и бывшие военнопленные первой мировой войны. «Старики еще принимали на себя ответственность – за себя, за свою семью, но молодежь была к этому более равнодушна», – сделал вывод один солдат⁴⁸. Однако в некоторых документах и воспоминаниях можно найти упоминание о большевистской молодежи, комсомольцах-фанатиках, которые держались на расстоянии от всех солдат оккупационных войск. «Мы с ними везде обходились хорошо... И они были рады, что пришли мы, а не немцы. Так что они просто радовались. И когда находились такие, что на нас поглядывали исподлобья, то это были ярые большевики», – заметил солдат, который прошел через всю Украину до Азовского моря⁴⁹.

⁴⁵ Из письма П. Белику от 17.4.2001. Копия письма находится в личном архиве автора.

⁴⁶ Когда летом 1942 г. в Курске Карол Кристиэн спросил хозяина, почему он не посадил больше фасоли, хозяин ответил: «Так ведь придет НКВД и все заберет!»

⁴⁷ «Но я возразил, что мы защищаем свободу и осуждаем их систему. Чувствовалось, что люди боятся говорить правду» – добавил Михаличка. Из письма П. Белику от 21.2.2001.

⁴⁸ *Spomienky Vojtecha Királa* (1919, Horná Streda). Личный архив автора.

⁴⁹ *Spomienky Ludovíta Kompasa* (1919, Močenok). Личный архив автора.

Больше всего разница между поколениями проявилась в отношении к религии. Люди старшего поколения, воспитанные набожными во времена царского режима, демонстрировали на каждом шагу свою глубокую веру, прикладывались к иконам, посещали вновь открывшиеся храмы. У молодежи это было немного иначе. В воспоминаниях часто встречаются жалобы солдат на то, что «девушки были неверующими»⁵⁰. «Новой» большевистской молодежи вера мало о чем говорила. Вернее, вера у молодых была, но они испытывали благоговейный трепет не перед христианским Богом, а перед Сталиным. «От них только и слышно: „батюшка Сталин“... Сталин дает свет... Сталин дает солнце... Настолько они были обработанные пропагандой...»⁵¹. Поэтому именно среди молодежи словаки могли столкнуться со скрытыми сторонниками большевизма, Сталина. Молодые люди, не знавшие иной власти и мира, чем во времена «батюшки Сталина», были гораздо сильнее заражены большевистской идеологией, чем старшее поколение. «Конечно же, основная опора (большевизма. – Прим. автора) была на молодое поколение, в душу которого вогнали коммунистические идеи, убив нравственность, веру в Бога», – «анализировал» молодой человек⁵². Иногда настроения молодых большевиков нельзя было охарактеризовать иначе как настоящий фанатизм. Один из таких невероятных случаев произошел с Андреем Шкварэком. В словацком полевом госпитале на Кавказе, в который с желтухой попал Шкварэк зимой 1942 года, работала русская девушка. «Мы ее все выпрашивали, как ее зовут, где она живет, где ее семья и т.д. А она ответила, что ее родителей отправили в Сибирь. Ну, мы и давай ругать Сталина, который лишает молодежь родителей, отправляя их в Сибирь. А она и говорит: „Так им и надо – они не были за Сталина!“ Так что, как видите, встречались там люди и с такими взглядами... Многократно повторенная ложь становилась правдой... Несомненно,

⁵⁰ VNA Trnava, f. MNO, 1942, k. 335, впечатления Яна Бродака.

⁵¹ *Spomienky Ernesta Kováča* (1919, Hôrka nad Váhom). Личный архив автора.

⁵² VNA Trnava, f. MNO, 1942, k. 335, впечатления Яна Баловича.

комсомол у них был как в Германии гитлерюгенд», – подытожил рассказчик⁵³. Аналогичные впечатления были и у офицера запаса, учителя Ивана Инститориса. Для некоторых Сталин был настоящим богом. «Языковой барьер мы преодолели, и в ходе разговора они узнали о Словакии и Чехословакии, – вспоминал словацкий офицер. – А Сталин был для них богом. О нем даже говорить не позволили». Когда Инститорис впоследствии спросил своих собеседников, почему этот «бог» приказал убить своих выдающихся офицеров высшего командного состава – Тухачевского, Блюхера и др., – ему ответили: «Ведь это враги народа. Значит, это были „враги народа“». Иное объяснение они не воспринимали»⁵⁴.

Последствия вышеуказанной двадцатилетней изоляции советских людей от остальной части Европы проявлялись почти на каждом шагу. Изоляция народа заключалась не только в невозможности выезда за границу, но и в лишении права доступа к источникам информации. Советские люди не могли приобрести «иностранские» газеты и журналы, не могли написать письмо в Европу, не могли настроить радиоприемник на частоту зарубежной радиостанции, потому что, фактически, радиоприемники были недоступны. В советском понимании радио – это репродуктор, установленный во дворе комиссариата, по которому все село слушало единственную радиостанцию – Москву⁵⁵. Поэтому неудивительно, что многие местные жители были настолько одурманены многолетней пропагандой предыдущей власти, что они не только не могли себе представить, но даже не могли допустить, что может существовать иная, лучшая общественная система, чем воспетая советская власть. Отчетливо это проявлялось, в

⁵³ Škvarek, A., *op.cit.*, s. 14.

⁵⁴ *Spomienky Ivana Institorisa*. (1914, Hube). Личный архив автора.

⁵⁵ В одном из своих выступлений по этому поводу иронизировал сам словацкий президент Тисо. По случаю подключения одного села к электросети в мае 1942 года он констатировал: «Видите, с помощью электричества вам предоставляется возможность слушать Лондон, Москву. В России этой возможности нет или, в лучшем случае, там установят мегафон, по которому можно слушать только Москву». // „Slovák“, 19.5.1942, s. 2.

основном, в личных беседах. Словаки неоднократно и безуспешно пытались убедить местных жителей в том, что в Словакии и в других странах Европы нет голода, что в Словакии нет прожорливых капиталистов, а рабочих не подвергают телесным наказаниям. «Они никогда не были в Европе и не имеют представления, как там живется. Кроме того, советская власть им вдалбливала в головы, что в своем развитии они обогнали все страны на сто лет... „Мы впереди на сто лет!“ – говорили они нам... Они действительно думали, что обогнали весь мир на сто лет, а в остальных странах люди голодают...»⁵⁶. Разумеется, впоследствии, придя в страны Балтии или в Польшу, красноармейцы не переставали удивляться – полные полки магазинов и никаких ограничений на покупки. «Например, один польский крестьянин нам рассказывал, что когда после немцев во Львов пришли русские – сначала в городе были немцы, – то к нему подошел русский солдат и спросил, есть ли яйца. „Есть...“ – „Можно ли их купить?...“ – „Можно...“ – „Сколько штук?...“ – „Сколько угодно...“ – Просто солдат был очень удивлен тем, что яйца имеются в свободной продаже. А затем, когда увидели магазины, полные одежды, часов и прочего товара... Вспомнилось ему также, как один русский офицер пришел с женой в театр, а на ней был надет пеньюар! Это были и впрямь комичные ситуации на потеху многим местным жителям. Особенно когда русские офицеры не могли определить время, потому что не разобрались, как обращаться с часами... Полякам было даже неловко»⁵⁷.

Бедность в СССР была потрясающей даже по словацким масштабам, но у словаков сложилось впечатление, что местное население к бедности привыкло и воспринимает ее как должное. Даже радовалось, что остальной части Европы живется гораздо хуже. В этом заключается величайший парадокс. «Просто им так внушили, и они считали, что у нас в Словакии и в других странах еще надзиратели с нагайками, как у них в

⁵⁶ Škvarek, A., *op.cit.*, s. 14.

⁵⁷ Там же. «Так что мы однозначно увидели, что эта бедность на совести прежней советской политики, советской власти», – добавил рассказчик.

царские времена. Они думали, что у нас до сих пор существует такой режим. Просто они не хотели верить, что у нас по-другому и что вообще можно жить по-другому». На вопрос, объясняли ли солдаты местному населению, как обстоят дела на самом деле, Миклаш ответил: «Объясняли... Но нам не верили... Не верили, что можно жить по-другому. Если кто-то жил чуть лучше, то для них он уже был „буржуй“... „Это буржуй“ – такой был у них лозунг...»⁵⁸ – поделился своими впечатлениями о моральном облике советского человека бывший солдат.

У его соратника были аналогичные впечатления: «Там были люди, настолько оболваненные пропагандой, что думали, будто у нас дома голод, а у них рай... Так их воспитали. Затем, когда в 1945 году сюда пришли русские, то каждый, у кого было хоть какое-то имущество, был для них буржуй»⁵⁹. Абсолютно те же впечатления о советском народе сложились у учителя Инститориса. «Они даже понятия не имели, как живут люди в других странах. Пропаганда им внушала, что у них все самое наилучшее и самое передовое. Они считали, что весь мир живет в бедности, а у них жизнь лучше всех. А на самом деле все было наоборот», – подытожил Инститорис⁶⁰.

Нищета – понятие абсолютное

Все словацкие ветераны сходятся на том, что в СССР была такая нищета, которую в Словакии даже тяжело представить. В полной мере это относилось к селам, расположенным, в принципе, на любой территории: на Западной Украине, в Крыму или в предгорьях Кавказа – повсюду, где проходила словацкая армия летом 1942 года. Уже через пару километров за старой советской границей молодой лейтенант потерял последние иллюзии о большевистском государстве: «Я думал, что после пересечения русской границы увижу образцовые села...

⁵⁸ *Spomienky Michala Mikláša*. Личный архив автора.

⁵⁹ *Spomienky Ludovíta Kompasa*. Личный архив автора.

⁶⁰ *Spomienky Ivana Institorisa*. Личный архив автора.

хорошие дороги, рационально обработанные поля, счастливых и улыбающихся рабочих и крестьян, работающих на колхозных полях. Но ничего подобного я не увидел... Села... везде были одинаковы, где бы мы ни проходили... Не было видно никакого прогресса. Люди жили в мазанках, как и 24 года назад. Разница только в том, что дома начали разваливаться. Все дома небрежно покрыты соломой... дворы открыты, и по ним течет навозная жижа. Все валяется, как будто хозяева не имеют ни малейшего понятия о порядке...»⁶¹.

Напрасно словаки искали опрятные общежития, детские дома, современные школы, а также различные зоны отдыха. Их не было нигде. Но вместо этого повсюду в глаза бросалась нищета общежитий, которую даже словами не передать. Хотя многие и не ожидали увидеть роскошь, но действительность превзошла самые мрачные ожидания. Вместо живописных и чистых кирпичных домиков – лачуги из соломы и глины. Вместо счастливых рабочих и крестьян – уставшие оборванцы. «Нам встречались современные рабы – и не только крестьяне и обычные неквалифицированные рабочие, но и так называемый пролетариат, который был такой же нищий, как и остальные слои населения», – описывает свои впечатления лейтенант Корчек⁶². Абсолютной фантазмагорией выглядели бани, которые в советской литературе описывались как неотъемлемая часть каждого крестьянского дома. Словацкие солдаты, в течение продолжительного времени расквартированные в Ильинцах, долго выспрашивали о такой бане, пока, наконец, местные жители не показали одну ванну, которая служила для целого города. Вскоре выяснилось, что при советской власти местное население могло пользоваться этой общественной ванной только один раз в году – на 1-е мая⁶³.

Соломенные крыши были обычным явлением во всех уголках Украины. «Когда мы стояли под Киевом, то в его окрест-

⁶¹ *Ruský člověk nevíe, za čo bojuje* // „Slovák“, 26.7.1941, s. 4.

⁶² Korček, F., *op.cit.*, s. 44.

⁶³ *Ibidem*, s. 69.

ностях все дома были покрыты соломой. Да еще камышом... если посмотреть на такое село, то оно напоминало китайскую деревню или селение где-нибудь в Африке!» – со смехом вспоминал Л. Компас.

Для человека из Центральнoй Европы крестьянские дома с их «интерьером» были диковинкой. «Типичный украинский дом – это универсальное жилище для людей и животных, которое одновременно служит сараем и чуланом. В прихожей, если так можно назвать темный коридор, обычно лежит камень – жернов, на котором примитивным ручным способом размалывают зерна, спрятанные от НКВД... При этом все помещения находятся под одной крышей, и под ней свободно передвигаются люди и скот, здесь даже держат кроликов и морских свинок...» – описал не только свои впечатления фронтoвой корреспондент⁶⁴. И через много лет об этом горько вспоминать: «Даже не нужно было видеть массовые захоронения, достаточно было посмотреть на жилье. В их селах я никогда не видел настоящий пол, окна маленькие, зимой земляной пол выстлан кизяком, мебели нет. Я и представить себе не мог, чтобы при такой нищете, которую довелось увидеть, был бы еще и голод...»⁶⁵. Аналогичные жилищные условия были в Новоолевском у Азовского моря, где был Л. Компас: «Весь дом – это всего лишь заостренные прутья, обмазанные глиной! А в комнату или на кухню входили через хлев. Чтобы сохранялось тепло. Так, войдя в хлев, затем попадаешь на кухню и, наконец, – в комнату. Три помещения вместе с хлевом, и этим все ограничивалось – тут тебе и гостиная, и спальня, и все остальное...».

Естественно, как сапер Компас, думал и артиллерист Шкварэк, который провел на советской территории полтора года. «Этот их ужасный быт... Наверное, там у трети всех домов в прихожей держали корову... На кухню обычно заходили через хлев...»⁶⁶.

⁶⁴ *Ibidem*, s. 19.

⁶⁵ Из письма П. Белику от 17.4.2001. Копия письма находится в личном архиве автора.

⁶⁶ Škvarek, A., *op.cit.*, s. 14.

Жилище советских пролетариев было очень убогим не только на первый взгляд (снаружи), но и изнутри. «Я видел эту нищету... В каждом доме была лежанка, но железная, с проволочной сеткой, и матрац, не был набит пером, понимаете?... Чтобы спать, там была только солома. Это была постель в большинстве домов. В домах не было дверных ручек – ни в одном. На вопрос „Почему?“ ответ был „А зачем?“ В любой момент придет НКВД, вышибет двери, поэтому зачем? И не дай Бог иметь что-нибудь в подполе... Так выглядели советские дома. Иметь что-либо был великий грех – все немедленно реквизировалось. Цель была – уничтожить собственника... Кулака... Ничего у них не было, фактически у русских ничего не было...»⁶⁷. Один из солдат этот факт констатировал в более прозаичной форме: «От этой обстановки я был не в восторге, потому что у местных жителей, кроме вшей, больше ничего хорошего не было»⁶⁸.

Необходимо ненадолго прерваться, чтобы поговорить о жителях советских домов. О них бы нам многое могли рассказать бывшие солдаты. Если в 1942 г. после возвращения в Словакию спросить солдата, что на него в СССР произвело наибольшее впечатление, и попросить рассказать об условиях жизни в стране, то можно было бы услышать: «Когда мы вошли в дом, мы увидели хрюка, а к столу были привязаны теленок и свиноматка. А вшей было не счесть. Девушки там были красивые, стройные, но у них были грязные ноги и много вшей»⁶⁹. Другой комичный для современного человека случай о выведении вшей рассказал Миклаш: «Однажды мы пришли в семью, у которой бывали в Славечном. Я и Гавел постучали в дверь и слышим: „Ну, дальше, дальше!“ Мать сидела, а дочь стояла рядом с ней на коленях, опустив голову матери на колени – в

⁶⁷ *Spomienky Karola Kristena*. Личный архив автора.

⁶⁸ *VNA Trnava, f. MNO, 1942, k. 335*, впечатления Войтехы Грзнара. Другой солдат домой написал дословно следующее: «У нас за скотом ухаживают лучше, чем в коммунистическом рае заботятся о людях» // „Hlas frontu“, и. 7/1941, s. 4.

⁶⁹ *VNA Trnava, f. MNO, 1942, k. 335*, впечатления Андрея Остролицкого.

руках (у матери) большой нож, волосы (дочери) подняты вверх – мне это напомнило историю о том, как Авраам собирался принести в жертву Исаака. Я и говорю: „Что ты делаешь?“ – „Вошки, вошки“ – вылавливают вшей... Как это? А вот как... С ножом в руке мать выискивала вшей. Когда она находила вошь, то немедленно ее била тупой стороной ножа. Но для этих людей вши не были большой проблемой. Ну и что из того – вши есть у нее, у него, у каждого.. Для местных жителей это было абсолютно нормально, как будто вши тоже были членами семьи», – добавил ветеран войны⁷⁰.

Плохие бытовые условия сопровождались катастрофическим состоянием гигиены. У развитого советского общества зачастую даже не было представления о средствах гигиены. «Сделали бы туалеты хотя бы из досок, и того не было... Это поражало и немцев. Там просто испражнялись где придется под забор... Даже обычного туалета я там никогда не видел – не было...» – вспоминал А. Шкварэк. И капитан Кристэн говорит о том же: «Бедняги... А сколько грязи... Они были не очень трудолюбивыми и не очень чистолюбивыми. Если бы вы видели женскую юбку – грязная из-за щенков и мух; через эту юбку хозяйка хотела для меня процедить молоко... Когда я это увидел, то сразу пить расхотелось. А им было все равно. Знаете, какие у них туалеты? У дома был большой палисадник, туда и ходили! В землю был закопан железный горшок, накрытый деревянной доской. Когда хозяин шел по большой нужде, то убирал доску, спускал кальсоны, а затем испражнялся в этот горшок... Вот такой советский туалет! Для всей семьи... Когда горшок наполнялся, то его содержимым удобряли землю; вот так и жили...»⁷¹. С колодцами дела были немногим лучше: «Почти все колодцы открыты, никак не изолированы от окружающей среды, поэтому в них попадает много всякой грязи»⁷². Только небольшую часть колодцев военные врачи

⁷⁰ *Spomienky Michala Mikláša*. Личный архив автора.

⁷¹ *Spomienky Karola Kristena*. Личный архив автора.

⁷² Okál', J., *op.cit.*, s. 68.

могли признать безвредными. Даже регулярные проверки не защищали от периодических вспышек эпидемий в войсках⁷³.

Михал Миклаш пробыл в СССР более 24 месяцев и со своей ротой прошел по территории Западной и Северной Украины, Белоруссии и даже был в Курске. Несмотря на расстояния в сотни километров между местами, где он побывал, его впечатление об уровне жизни советских людей, который в течение 40 лет являлся образцом для Словакии, было хуже некуда. «Да, мы прошли через эти села, очень далеко ушли, километров на сто, но так и не поняли, что это было: сараи или дома. Окна наполовину вымазаны навозом, поэтому было непонятно, что это: хлев или дом. Это был уплотнитель для „теплоизоляции“, чтобы не дуло. Вошел в дом: направо – комната; налево – хлев, а когда было холодно, то телят из хлева забирали в комнату. Прямо как в Вифлееме у кормушек – вот что мне это напоминало». Однако это еще не все. Миклаш продолжал: «В селах все сделано из дерева и обычно покрыто соломой. В городах были и красивые дома, и люди были хорошо одеты, но в селах – все в латаной одежде, как наши бездомные... Правда, одежду получали бесплатно, поэтому и носили ее и в праздники, и в будни; каждый носил – все-таки бесплатно. В немыслимых длинных пальто – ну и бедолаги... И при этом самые счастливые в мире... Они даже представить себе не могли, что где-то люди живут лучше, чем они... У тех людей была работа, было что поесть, было где жить, был вождь „батьюшка Сталин“... Но все равно самые счастливые люди...»⁷⁴. Абсолютно то же впечатление об одежде советских пролетариев сложилось и у командира Железнодорожной строительной роты Карола Кристэна. Кристэн был на польском, советском и итальянском фронтах, даже посетил линию Мажино во Франции. Но, по его словам, нигде в Европе он не встречал таких оборванцев, как в „русском рае“. Разорванная одежда одного из советских пролетариев его настолько поразила, что фото-

⁷³ Впервые это произошло уже в июле 1941 года в районе Самбора.

⁷⁴ *Spomienky Michala Mikláša*. Личный архив автора.

графию этого человека он хранил всю жизнь. «Это было не зимнее пальто, а сплошные заплаты... Тем не менее, его владелец был счастлив, что носит „зимнее пальто“... Я его фотографировал не зимой! Они так одеваются летом! Как бездомные! Они там все выглядели как бездомные...» – иронизировал Кристэн⁷⁵.

Об экономической ситуации в СССР командир роты связи старший лейтенант Иван Инститорис вспоминал следующим образом: «С гражданскими лицами у нас были очень хорошие отношения, фактически мы их охраняли и помогали им, чем могли, т.к. нищета там была ужасная. В те времена в Словакии мы тоже не были богатыми, но по сравнению с ними мы жили по-королевски. Если бы вы видели их дома – все в одном помещении: люди и скот. При этом Украина очень богатая страна с плодородной почвой...»⁷⁶. Летом 1942 г. он был одним из тысяч словацких солдат и офицеров, которые в составе Быстрой дивизии совместно с немецкими частями шли в первом эшелоне на Ростов и Кавказ. И в этих местах уровень жизни советских людей не был выше. Инститорис отмечает: «Когда Ростов пал, мы пошли дальше. Первым крупным городом за Ростовом был Батайск с населением около 50.000 человек. Это что-то наподобие рабочих кварталов Ростова, но уровень жизни в них... по сравнению с ними цыганские кибитки в Словакии - это выставка... А ведь 50-тысячный город...» Затем путь словацких войск лежал на юг, на Кавказ. Прежде чем перейти реку Кубань, солдаты прошли через небольшой городок Кропоткин, улицы которого занесло песком. Примерно за два километра от Кропоткина у батальона находился резервный пункт связи. Там были дивизионные автомастерские, а также склад кабеля. Место называлось Дворстепок. «Это была равнина – только несколько мазанок, сделанных из глины и небольшого количества камыша. Представьте себе дома из камыша, обмазанные глиной. Поскольку там не было дерева,

⁷⁵ *Spomienky Karola Kristena*. Личный архив автора.

⁷⁶ *Spomienky Ivana Institorisa*. Личный архив автора.

то камыш обмазывался глиной. После высыхания глина становилась твердой, как асфальт. Кроме того, там сушили кизяки... Когда я это впервые увидел, даже возмущился тем, что людям приходится сушить „дерьмо“ на солнышке. Из этого, смешав с соломой, делали кизяки, которыми топили печку»⁷⁷.

Говоря о словацком участии в войне, отдельно следует упомянуть почти мирное пребывание в Крыму весной-осенью 1943 г. Вдали от линии фронта солдаты не выполняли боевых заданий, и у них было больше времени общаться с гражданским населением и бродить по округе. И на этом советском полуострове условия жизни были не лучше, чем в других местах. Здесь солдат-связист Ян Щибран провел несколько месяцев. Однако впечатления о местных условиях жизни в Крыму не отличались от впечатлений в других местах. Именно так дела обстояли в селе Воинка. «Все село состоит из мазанок. Каждая крыша была сделана из глины, смешанной с чертополохом, над досками крыши возвышался глиняный дымоход. Стены мазанок тоже были из глины. Внутри каждого дома, посреди комнаты, стоял деревянный столб до самой кровли (верхней части крыши), и не было ни пола, ни лампочек. Из глины была и печка, которая располагалась посреди дома, в ней было отверстие для приготовления пищи. И горшки были глиняные. Из печки тепло передавалось в пристройку, так называемую печь, высотой примерно 1,8 м, тоже сделанную из глины, на который мы с товарищем спали. От этой печи прогревалась комната. За печью была постель, лавочка, стол, именно в этом доме на земле был деревянный пол. В других домах это было редкостью, в основном, везде пол был из глины. Во дворе из глины был сделан туалет – яма, на которой лежала доска, – что-то наподобие выгребной ямы, без дверей»⁷⁸. О Крыме сохранились воспоминания и у солдата 2-го пехотного полка из Тренчина В. Кирала, который местную ситуацию охарактеризовал следующим образом: «Иначе говоря, нищета

⁷⁷ *Ibidem.*

⁷⁸ *Spomienky Jána Ščibrana* (1921, Borský Svätý Jur). Личный архив автора.

в России была ужасной... Собственника там почти ничего не интересовало. Была комната, чулан, кухня и хлев. А вход был со двора через хлев. С хлева – на кухню. В одной такой „квартире” в Пришибе, в Крыму я и проживал. Однажды я шел в дом через хлев, было темно, и там лежала корова. Так я ей наступил на хвост и упал на нее лицом вниз... Затем я спросил хозяев, почему они не сделают отдельный вход на кухню. „Нельзя – холод бы шел прямо в кухню, и вскоре нечем было бы топить, а так – тепло... Входите в хлев, а оттуда в дом” ... В домах были кирпичные печи, которые топили соломой или киззяками»⁷⁹.

Общий уровень жизни в городах был немного выше, но не везде. Только некоторые города соответствовали средневропейскому уровню. Дореволюционные постройки, пусть даже запущенные и потерявшие вид, все-таки указывали на то, что культура строительства при царском режиме была выше. Ознакомившись в городах с новостройками, солдаты были удивлены их непрактичностью и неприглядным видом⁸⁰. По поводу Мариуполя один солдат высказался следующим образом: «Мариуполь красивый город, но мне не нравилось, что административные здания были построены по-современному, а люди ютились в лачугах, поэтому коммунистический режим не нравился даже русскому населению»⁸¹. Именно с городами была связана большевистская псевдокультура, которую так охотно распространяла советская пропаганда. По этому поводу метко выразился поэт Окаль: «Дело в том, что в действительности было сделано множество вещей, поставлено много статуй, памятников, бюстов и барельефов, но искусства в этом было очень мало». Стало почти правилом, чтобы в каждом городе с населением более десяти тысяч человек был памятник Ленину. Во время своего армейского похода Окаль видел множество таких памятников, о чем впоследствии

⁷⁹ *Spomienky Vojtecha Királa*. Личный архив автора.

⁸⁰ Okál', J., *op.cit.*, s. 63.

⁸¹ *VNA Trnava, f. MNO, 1942, k. 335*, впечатления Людэвита Кубика.

сказал: «Интересно то, что, увидев один памятник, можно довольно точно предсказать, как будут выглядеть остальные. Подавляющее большинство этих памятников были вылиты по одному скульптурному проекту, одинакового размера, и в одном и том же некачественном техническом исполнении. Даже материал везде использовался одинаковый: гипс»⁸². Естественно, такое псевдоискусство производило отрицательное впечатление, главным образом, на образованных людей. Хотя старший лейтенант Кристэн и поэт Окаль посетили разные места, впечатления у них сложились одинаковые: «Куда бы вы ни пришли, на вокзале был фонтан, а рядом с ним до того безвкусные грубо сделанные гипсовые статуи, как будто ими играли в футбол, и в каждом городе одно и то же»⁸³.

Предмет отдельного разговора – советские дороги. Хотя в то время в Словакии далеко не все дороги были асфальтированные, между отдельными городами или селами были проложены, по крайней мере, мощеные дороги, за поддержание состояния которых отвечали местные власти или государство. Однако в коммунистической империи ничего подобного не существовало. Осенью и весной местные дороги превращались в море грязи, в котором застревал любой транспорт. Жизнь полностью останавливалась. Оставалось только использовать лошадей или идти пешком. Однако когда грязь высыхала, получившаяся колея тоже затвердевала, превращаясь в настоящий бетон, так что передвигаться по такой колее можно было только с большой осторожностью. «Сначала мы опасались агентов НКВД, а затем выяснилось, что еще опаснее были украинские дороги... Когда тепло, на них столько пыли, что машины должны ездить, соблюдая большую дистанцию, чтобы дорожное движение вообще стало возможным, а когда проходит дождь, на колесах машин столько грязи, что почти невозможно ехать», – подытожил свои впечатления словацкий

⁸² «В действительности это, пожалуй, единственное государство, в котором гипсовые статуи публично устанавливаются на площади как памятники», – заключил. Ян Окаль, *op.cit.*, С. 52.

⁸³ *Spomienky Karola Kristena*. Личный архив автора.

корреспондент⁸⁴. Без качественных дорог с понятными указателями иностранец в России мог потеряться... На широких равнинах, без единого дерева, без единого ориентира даже опытному водителю тяжело было не заблудиться.

«Вы только представьте себе русские дороги: здесь нет асфальтированных дорог, как в Словакии... Едете и вдруг перед вами сто колеи! Во всех направлениях! И по которой прикажете ехать? Никаких телеграфных столбов, ничего! Так мы добирались до нужного места; вот такая была ситуация», – делился своими первыми впечатлениями командир роты Кристэн. «Я и говорю: „Едем на восток, а где сейчас находимся – не знаем“»⁸⁵.

Еще хуже пришлось группе кинооператоров из Братиславы, которая на обратном пути из одной русской деревни пять раз проезжала через одну и ту же деревню. После возвращения в Словакию один из членов этого путешествия поделился своими впечатлениями о России: «Русская равнина – это не равнина, а ее прототип. Во все стороны из каждого села и города, как лучи от места удара по разбитому стеклу, расходились дороги и тропки, дороги, обозначенные и не обозначенные на карте, невероятно длинные, завязывающиеся на перекрестках в гордые узлы... Мороз по коже, когда подумаешь, что какой-нибудь злоумышленник повернет столб с указателями, и они начнут показывать в другую сторону... Здесь, кроме компаса и карты, нужно иметь хорошо развитое чувство ориентации»⁸⁶. Уровень жизни обычного жителя СССР не был хорошей визитной карточкой для советской военной пропаганды, призывавшей словацких солдат к дезертирству. Людей, которые собственными глазами видели настоящую жизнь в этой стране, больше не переубедят никакие пропагандистские листовки и призывы к «мирной» жизни на советской территории. У солдат была возможность

⁸⁴ Korček, F., *op.cit.*, s. 31.

⁸⁵ *Spomienky Karola Kristena*. Личный архив автора.

⁸⁶ *V Rusku sa treba vedie orientova* // „Slovák“, 18.9.1941, s. 3.

многokrатно убедиться в том, что общая ситуация здесь гораздо хуже, чем в Словакии, которая в то время не считалась богатой страной. Вне зависимости от того, где именно дислоцировались войска – в средней части Украины, в Белоруссии, у Азовского моря, на Кавказе или в Крыму – везде была одна и та же картина: нищета, грязь, нехватка самого необходимого и отсталость. Катастрофические экономические и социальные условия, которые солдаты увидели в прославленном «коммунистическом рае», им просто отбили охоту дезертировать. Действительно, вплоть до коренного изменения ситуации на фронте летом 1943 г. уровень дезертирства в словацкой армии на сторону противника, по сути, был ничтожным⁸⁷. Как раз наоборот, – словаки были свидетелями того, что дезертируют советские солдаты. «Обстановкой в стране большинство населения было недовольно, особенно колхозами, и об этом можно было судить по советским солдатам, довольно часто переходившим на сторону противника, т.е. в немецкую и союзническую армии»⁸⁸. Чтобы составить себе представление о ситуации на другой стороне, словацкому солдату достаточно было посмотреть на советского перебежчика или пленного. Повсеместная нищета в стране неизбежно влияла на изменение старых, идеализированных представлений о советском рае. Один из солдат писал домой: «Теперь у меня совершенно другое представление о стране после того, как я увидел, как этот народ бедствовал. Все босы и раздеты, настолько они бедны. Дома построены из глины и соломы – хуже, чем у наших цыган. Муку здесь мелют, как у нас получают дробленое зерно, а затем

⁸⁷ Многие бывшие солдаты, с которыми я разговаривал на эту тему, отвечали примерно в этом духе: «Когда я там увидел эту бедность, нищету, то мне уже не хотелось уезжать, чтобы затем оказаться в ней... От этого хотелось бежать домой...»

⁸⁸ *VNA Trnava, f. MNO, 1942, k. 335*, впечатления Яна Зэманца. Об этом свидетельствует количество перебежчиков на словацкую сторону в течение восьми месяцев окопной войны на р. Миус – численность перебежчиков-красноармейцев в несколько раз превосходила количества словаков, дезертировавших на советскую сторону. *VNA Trnava, f. Rýchla divízia, vojnový denník II. oddelenia Rýchlej divízie*.

из нее пекут хлеб»⁸⁹. Кроме того, солдаты выражали желание ознакомить с этими фактами своих земляков, в первую очередь, сторонников коммунистов. Часто можно было услышать, что «хорошо бы было привезти сюда ярких коммунистов, чтобы они увидели большевистское опустошение и ужас»⁹⁰. В любом случае, солдат, которые участвовали в боях на Украине, уже не надо было учить принципам коммунизма, т.к. они все видели собственными глазами. Разрушились не только их прежние представления – у некоторых, наверное, иллюзии – о социально справедливой системе, якобы созданной в коммунистическом государстве⁹¹. На самом деле все было наоборот: солдаты на каждом шагу убеждались в том, что ситуация на Советской Украине во всех отношениях гораздо хуже, чем в их родной Словакии. «Такая политическая, экономическая и культурная ситуация нас бы доконала», – метко подметил один из солдат⁹². Поэтому многие начали ценить то, что раньше считали само собой разумеющимся – собственную страну, собственное государство. «Там я наблюдал за всем, связанным с жизнью местного населения, и теперь могу сказать, что мы жили в Словакии хорошо...» – откровенно заявил другой солдат⁹³.

Вопреки всему, что в течение своего трехлетнего пребывания в СССР видели и пережили солдаты, это у них никогда не переросло в «высокомерие» или чувство превосходства над местным населением. В быту словакам были чужды воинская субординация и чувство расового превосходства, которыми отличались немецкие солдаты и офицеры. Как раз наоборот, общая обстановка, тяжелое наследие Ленина и Сталина, которые усугублялись нацистской оккупацией, вызывали у словацких солдат чувство сострадания. «Бедняги» – пожалуй, в

⁸⁹ „Hlas frontu“, č. 4/1941, s. 3.

⁹⁰ VNA Trnava, f. „53“, k. 95, č. 1/41 dôv.

⁹¹ «Все, что у нас раньше говорили о России, неправда» – этой фразой закончил свое письмо жене Штэфан Углар. // „Hlas frontu“, č. 7/1941, s. 3.

⁹² VNA Trnava, f. MNO, 1942, k. 335, впечатления Михала Цапа.

⁹³ VNA Trnava, f. MNO, 1942, k. 335, впечатления Михала Тигаши. «Хотя наша страна и маленькая, но в ней живет лучше, чем в больших странах», – признал Михал Пчолински. Там же.

общем, так можно охарактеризовать отношение словацких солдат к советским людям. Бесчисленны примеры, когда солдаты помогали гражданскому населению или делились собственными продовольственными запасами, принимали на работу или выдавали различные справки и свидетельства, с помощью которых местные жители уклонялись от депортации в Третий рейх, или открыто их защищали от нацистских репрессий. Языковое, религиозное, а отчасти и духовное родство делало эти взаимоотношения возможными и способствовало их углублению. Во многих семьях словацкие солдаты были вместо сыновей или отцов, которые были расстреляны в годы сталинского террора или мобилизованы во время войны. Мужские руки, безусловно,годились в семьях, где остались только старики, женщины и дети. Между молодыми солдатами и местными девушками возникали естественные чувства – не один солдат привез домой молодую жену из страны, против которой должен был воевать. В отличие от румын или венгров, у словаков не было языковых барьеров. Доходило до парадоксов: словацкие солдаты-оккупанты пользовались у местных жителей большим расположением, чем местные, советские воины и партизаны⁹⁴. Когда в 1943 г. солдаты тренчинского пехотного полка возвращались из Крыма в Словакию, жители села Таганаш устроили им такие проводы, которых не было даже дома, в Словакии. «Я жил у одной старушки, у которой было три дочери и сын. И все три дочери пришли к нам на вокзал с букетами цветов, и там плакали. При расставании у них дома их мать нас благодарила: „Пусть Господь поможет вам благополучно доехать домой и увидеть своих матерей и сестер!“ А потом добавила: „Я думала, что вы будете бесчинствовать!“ Советская пропаганда им внушала, что мы насилуем, воруем, избиваем и убиваем. Даже невозможно себе представить, как они боялись, когда мы пришли.

⁹⁴ «Гражданское население к нам относилось очень хорошо, с самого начала они вели себя с нами как со своими», – подытожил солдат свои впечатления от 12-месячного пребывания. // *VNA Trnava, f. MNO, 1942, k. 335*, впечатления Михала Цапа.

Но теперь они к нам настолько привыкли, что относятся как к собственным детям... Даже дома нас так не провожали, как в Крыму – букеты цветов, полный вокзал людей, поезд уже тронулся, а нам все еще бросали цветы», – со слезами на глазах добавил бывший солдат⁹⁵.

Полные впечатлений, солдаты уезжали домой, и можно сказать, что в их душах увиденное и пережитое в России оставило свой след на всю жизнь. В ходе последних свободных выборов, состоявшихся в послевоенном 1946 г., опыт, полученный солдатами, и отношение к коммунизму привели к тому, что словаки коммунизм однозначно отвергли. И когда диктатура все-таки была установлена, а СССР стал идолом для поклонения, а во всех городах висели транспаранты с надписью “СССР – наш образец”, бывшие солдаты, воевавшие в этой стране, оставались при своем мнении. Они даже способствовали тому, что многие люди не поддерживали коммунистическую политику и никогда не вступили в партию. Потому что на примере СССР они знали: коммунистическое общество – это утопия, а крах этой бесчеловечной системы всего лишь вопрос времени.

⁹⁵ *Spomienky Vojtecha Királa*. Личный архив автора.